

Джон Малмстад
Владислав Ходасевич и «Современные записки»

«...Приехал я в Берлин и очень хотел бы повидать Вас: для души и для некоторых дел: мне здесь трудно ориентироваться литературно, не поговорив с Вами. Пожалуйста, черкните два слова: можно ли приехать к Вам»¹. Так Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) писал М. Горькому в день приезда в немецкую столицу: «30 июня, пятн<ица> <1922>. В 8 утра – Берлин. / К Жене. / А. Берберова. К парикмахеру. Вера Лурье, Бахрах. А. Берберова. Письмо к Горькому»². 3 июля Горький ответил из приморского курортного местечка Герингсдорфа³, а 6–7 июля Ходасевич ездил туда к нему. При встрече Горький навел его на мысль написать фельетон «Все – на писателей!», который 16 сентября был опубликован под псевдонимом «Л. Боровиковский» в берлинской газете «Голос России» (№ 1060)⁴. К этому времени Ходасевич уже напечатал стихотворения в этой же газете и в берлинских журналах («Сполохи», «Эпопея»), но этот фельетон можно считать его критическим (на этот раз и политическим) дебютом в эмигрантских газетах. (На следующий день он опубликовал, уже под своей фамилией, рецензию на книгу «Дельвиг. Неизданные стихи», его первая рецензия в эмигрантской прессе.) До конца 1922 г. и в течение 1923 г. он продолжал публиковаться (почти исключительно стихи) в берлинских русских газетах (в «Днях», например), в пражском журнале «Воля России» и в тех же берлинских журналах, а также в новых («Жар-птица», «Новая русская книга»). К тому же он принимал близкое участие в новом издательском начинании, которое можно назвать самым значительным результатом его общения с Горьким в эмиграции, журнале «Беседа».

Поздней осенью 1922 г. Горький убедил Ходасевича переселиться в город Saagow (Сааров⁵), в двух часах езды от Берлина. Горьким уже вынашивались планы нового журнала (мысль об издании принадлежала Виктору Шкловскому), и он хотел привлечь Ходасевича туда как сотрудника. Первая книжка «Беседы», под редакцией Горького, Ходасевича, проф. Ф.А. Брауна, при участии проф. Б.Ф. Адлера и Андрея Белого, появилась весной 1923 г. Его последний двойной выпуск (6/7) вышел в марте 1925 г. До его закрытия (по финан-

¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 447.

² Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подг. текста, указ. О.Р. Демидовой. М., 2002. С. 25.

³ См.: Письма Максима Горького к В.Ф. Ходасевичу // НЖ. 1952. № 29. С. 205. Теперь см.: Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2009. Т. 14. С. 67.

⁴ Фельетон впервые был перепечатан в издании: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: [В 2 т.] / Под ред. Джона Малмстада и Роберта Хьюза. Ann Arbor, 1990. Т. 2. С. 334–337; перепеч.: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 89–93.

⁵ Транскрипция в письмах Горького и Ходасевича. Немецкое произношение Saagow – Заро.

совым причинам)⁶ Ходасевич печатал там стихи, переводы и отрывки из «Поэтического хозяйства Пушкина», все еще продолжая активно публиковаться в берлинской и парижской русской прессе, иногда даже в советских журналах (в последний раз в конце 1925 г., в четвертом номере московского журнала «Россия» – стихотворение «Интриги бирж, потуги наций...»).

Утром 4 ноября 1923 г. Ходасевич покинул Берлин и его окрестности. Начался период беспокойного скитания по Европе. Он жил в Чехословакии, часто в компании Горького, до 13 марта 1924 г., после чего уехал в Италию. В середине апреля он ездил в Париж. Прожив несколько месяцев во французской столице, а затем в Ирландии (август–сентябрь), 8 октября 1924 г. он приехал в Сорренто, где жил на вилле «Иль Сорито» с семейством Горького до 18 апреля 1925 г. 22-го он приехал в Париж. Все это время с ним была Нина Николаевна Берберова (1901–1993), его третья (гражданская) жена (они ездили в Ирландию к ее родственникам). Когда Ходасевич приехал в Берлин, он уже был признан как поэт (его четвертый сборник стихов, «Тяжелая лира», выпущенный в Советской России и затем в Берлине в 1922 г., был встречен множеством сочувственных рецензий), критик и переводчик, может быть не перворазрядный или общепризнанный, но уже с «именем». Как справедливо заметил М.В. Вишняк, «известность и признание» пришли к Ходасевичу в эмиграции⁷.

Приезд Ходасевича и Берберовой в Париж весной 1925 г. совпал по времени с выходом последнего номера «Беседы». Надо было найти новый надежный источник заработка. Решив поселиться в Париже, они немедленно связались с главными периодическими органами русского Парижа. 23 апреля 1925 г. Ходасевич посетил редакцию ПН, где он печатался с 27 апреля 1924 г. («Романс»). С переездом в Париж он довольно часто печатал в этой газете стихи, критические статьи, фельетоны и рецензии до 23 августа 1925 г. В этот же день он имел разговор с редактором «Дней» А.Ф. Керенским, Марком Алдановым и В.М. Зензиновым в редакции газеты, переехавшей из Берлина в Париж. Вишняк способствовал этой и другим встречам с редколлекцией «Дней» в августе⁸, и в конце концов Ходасевич был приглашен заведовать литературным отделом газеты совместно с Алдановым. 18 сентября 1925 г. он дебютировал на страницах газеты (№ 804) статьей о литературе в эмиграции «Там или здесь?». Его сотрудничество было далеко «не безоблачно», но тем не менее он остался в газете на год.

⁶ История возникновения и закрытия «Беседы» подробно описана Ходасевичем в его воспоминаниях о Горьком (*Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4*). См. также: *Вайнберг И.И. «Беседа» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 32–42.*

⁷ *Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, Indiana, 1957. С. 202. О сотрудничестве Ходасевича в СЗ см. также: Ермакова В.К. Владислав Ходасевич – сотрудник журнала «Современные записки» // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции 4–6 октября 2007 г. / Под ред. Л.А. Иезуитовой, С.Д. Титаренко. СПб., 2008. С. 104–109.*

⁸ *Вишняк М.В. «Современные записки». С. 205.*

14 ноября 1922 г. Ходасевич писал М.О. Гершензону из Берлина:

Денежные дела не важны: чтобы были хороши, надо печататься в Париже, но там живут эс-эры. Они, понаслышке, меня зовут, а когда я даю стихи — морщатся, т.к. хотят чего-нибудь поэтического, ну там про море или про любовь, про птичку — а у меня выходит непоэтично⁹.

Ирония Ходасевича явно обращена на редколлегию ведущего журнала эмиграции, СЗ. Письмо с «зовом» участвовать в журнале не сохранилось, если оно и было: Вишняк помнит, что сам поэт предложил стихи журналу¹⁰. Ходасевич в первый раз напечатал их в № 13 от декабря 1922 г. и в следующем году в № 15 и 16, а его первая статья и рецензия были опубликованы в № 19 в конце марта 1924 г. К этому времени редакция была готова даже задержать выпуск журнала, ожидая одно стихотворение поэта¹¹, но он был желательным гостем не только в литературном отделе: «Надо во что бы то ни было добиваться Ходасевича <...> в “Культуре” и ж<изни”»¹².

Ходасевич и Берберова лично познакомились с Вишняком 14 апреля 1924 г., в их первый день в Париже, когда они дважды зашли в редакцию журнала (несколько других встреч последовали до отъезда в Ирландию). Вернувшись в Париж, Ходасевич посетил редакцию 27 апреля 1925 г., где состоялся разговор с Вишняком, с которым он был в деловой переписке с конца 1922 г. (письма ранее середины 1924 г. пропали). С этого дня название СЗ и имена его редакторов постоянно фигурируют на страницах так называемого «Камер-фурьерского журнала» поэта.

28 октября 1926 г. Ходасевич писал Ю.И. Айхенвальду:

Я ушел из «Дней», которые требовали от меня систематических перепечаток из советской литературы. Это превращалось в *пропаганду*, на которую я пойти не мог, — и вернулся в «Последние новости»¹³.

Его сотрудничество с этой газетой было, однако, недолгим. Он печатался в ней 30 сентября, 14 и 28 октября, а 24 ноября записал в «Камер-фурьерский журнал»: «В *Последние* нов<ости> (Милуков *возвр<атил>* статьи)»¹⁴. После этого он лишь раз печатался там (стихи, 13 января 1927 г.). Как писала Берберова в своей автобиографии: «Милуков сказал ему однажды <...> что он

⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 453.

¹⁰ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 202.

¹¹ См. письмо Гужовского к Вишняку от 21 мая 1924 г.: «Вся задержка за 1 (одним!) стихотворением Ходасевича. Умоляю, добудьте его! Тогда можно будет сейчас же отпечатать 16 листов» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 47).

¹² Фондаминский — Вишняку и Рудневу, до 12 декабря 1924 г. (Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Box 267. F. 4). См. также письма Фондаминского к Вишняку от 26 мая 1925 г. и 3 марта 1926 г.

¹³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 503. См. записи от 22 и 23 сентября 1926 г. в «Камер-фурьерском журнале» (С. 92).

¹⁴ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 95.

газете *совершенно не нужен*¹⁵. Редакция СЗ была озабочена положением своего уже близкого сотрудника. 30 января 1927 г. Фондаминский писал Вишняку:

И. Пл. <Демидов> не советует тебе сейчас говорить с «П<оследними> н<о>востями>». И сам он отсюда ничего сделать не может. Но, вернувшись в Париж, он обещает постараться сделать все возможное, чтобы улучшить материальное и всяческое положение Ходасевича в «П<оследних> н<о>востях>», и, по моему мнению, при некоторых условиях, это ему может удастся. Во всяком случае, убеждай Ходасевича терпеть до возвращения И.П. <Демидова> и вообще всячески убеждай его не итти в «Возрождение»¹⁶.

Антипатия редколлегии СЗ к участию Ходасевича в газете была вызвана не столько боязнью потери одного из «столпов» журнала (он печатался в каждом выпуске с № 25 до № 32), сколько политической ориентацией газеты, радикально противоположной позиции СЗ. Степень этой антипатии явствует из воспоминаний, опубликованных много лет спустя:

Он попал в «Возрождение» поневоле, по тяжелой нужде, выговорив себе «автономию» в своем литературном отделе; тем не менее он отдал свой труд и талант на поддержку Гукасовского предприятия¹⁷.

Видимо, на эту же тему и состоялся разговор в редакции журнала 26 января 1927 г., а вечером того же дня Ходасевич поделился своими сомнениями с Гишпиус: «В Совр<еменные> Зап<иски> (Талин, Вишняк, Цетлин). В кафэ. К Цетлину. С ним к Мережковским (Адамович, Бунин)»¹⁸. Судя по письму Гишпиус, написанному на следующий день (в нем речь идет о «вчерашнем разговоре»), редакторов прежде всего волновал именно политический аспект возможного решения Ходасевича принять предложение газеты:

Взволновало действительно ваше ужасное положение, а огорчила... ваша слабость. <...> Как? С нетерпеливостью женщины или «поэта» делать хакакири, да еще спешить с этим под ворота Милокова или Вишняка? Вы *недостаточно* злы. <...> Перед вами две борьбы: борьба за существование и борьба за живое с мертвецами. Для второй борьбы, более важной, потому что не только вашей личной, за одного себя, — надо, чтобы первая проходила успешно. Нужны,

¹⁵ Берборова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 260. Враждебность Милокова к Ходасевичу дошла до того, что даже опубликование в ПН заметки о поэте взвесило его. 8 марта 1933 г. М.С. Цетлин писала Вишняку: «...вчера утром телефонировал Павел Николаевич сам и сказал мне, что помимо него позволили себе дать рекламную заметку о Ходасевиче. Он был этим очень недоволен и запретил рекламировать его вечер, так как он теперь котирует Ходасевича очень низко и считает его человеком непорядочным» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 144).

¹⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

¹⁷ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 211. См. также его «Возрождение» (СЗ. 1925. № 25. С. 392–415).

¹⁸ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 98. Ходасевич получил предложение о сотрудничестве с «Возрождением», видимо, 25 января, во время встречи с С.К. Маковским (Там же).

следовательно, жертвы. Вы не знаете «ремесла»? Научитесь. «Я не могу!» Вздор, можете. Кто не может быть, при случае, и ремесленником, тот не писатель. Или вы боитесь «пасть»... в чьих глазах? В «их»? Умейте в эти глаза плевать. В своих? Ну, извините, это *поверхностная* гордость, и никогда я не поверю, чтобы так вы не глубоко смотрели на себя самого. <...> Нет, ремесло так ремесло, Возрождение так Возрождение, и даже хорошо, что Возрождение. <...> Нет, идите в Возрождение, идите хоть к марковцам <монархистам-черносотенцам, приверженцам Н.Е. Маркова (2-го)> (если б это было питательно), вяжите им самые толстые литературные чулки, но не делайтесь «жертвой» вишнякизма, — к тому же вишняки этой жертвой ничуть не подавятся. Предельная линия не в стороне Струве лежит, вы сами это отлично знаете. Знаете, где она, «через оную да не преступиша»¹⁹.

31 января 1927 г. состоялся разговор Ходасевича с Ю.Ф. Семеновым, редактором «Возрождения» (в 1927—1940 гг.). 3 февраля Ходасевич направил ему письмо, а 4 и 7 февраля он был в редакции газеты²⁰. 10 февраля (№ 618) там была напечатана его статья «Девяностая годовщина» по поводу смерти А.С. Пушкина. С этого времени Ходасевич, который никогда не был редактором литературного отдела газеты, как иногда ошибочно пишут (эту обязанность исполнял С.К. Маковский), и который держал себя вполне независимо, регулярно печатал там свой четверговый «подвал» и хронику советской литературы, составляемую при участии Берберовой и публиковавшуюся под псевдонимом Гулливер. 2 февраля 1927 г. Фондаминский уже писал Вишняку:

Получил от Зин. Ник. <Гишпиус> письмо, в к<о>т<о>р<о>м она просит снять с нее обещание дать статью к этому номеру (воспоминания). Приводит разные мотивы, но я хорошо понимаю, что основной мотив и *единственный* — обида за Ходасевича, к<о>т<о>р<о>го мы «предали» <...> Не делает из этого никакого «cas», предлагает стихи, рассказы и повесть, но писать ей сейчас психологически трудно. Voilà! Это грозно не только потому, что лишает нас ее статьи, но еще потому, что несомненно в таком же настроении и Ходасевич и что, если не принять энергичных мер, не будет и его статьи²¹ <...> Моя энергичная просьба к тебе — экстренно повидаться с З.Н. <Гишпиус> и убедить ее написать статью. Повидаться и с Ходасевичем²².

Ходасевич (как и Гишпиус) продолжал работать параллельно для заработка и в журнале и в газете и уже спустя почти два года защищал газету от нападок на нее. 4 декабря 1928 г. он писал Гишпиусу:

¹⁹ *Гишпиус* З. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. E. Freiburger Sheikholeslami. Ann Arbor, 1978. С. 75—76.

²⁰ См.: *Ходасевич* В. Камер-фурьерский журнал. С. 98—99.

²¹ Ходасевич все же дал статью (одну из лучших его) для следующей книжки журнала: «Аблеуховы — Летаевы — Коробкины» (СЗ. 1927. № 31. С. 244—247).

²² Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

Не сочувствую и Вашей мечте об уничтожении «Возрождения». Не вижу, почему надобно русскую эмиграцию, тысячи людей, не спекулирующих на черной бирже, не сутенеров, не проституток, а живущих каторжным трудом, не сочинителей вороватых стихов да похабных романчиков, — выдавать головой под идейное и духовное водительство Талина и Ко. <...> А «Возрождение» — «капля блага», ибо, при всех недостатках, у него есть одно неотъемлемое достоинство: соглашательством там не пахнет, а когда запахнет, то его вышвырнут²³.

Когда 30 января 1927 г. Фондаминский писал Вишняку о возможном сотрудничестве Ходасевича в «Возрождении», он заключил: «По моему глубокому убеждению, он себя этим *погубит*»²⁴. Он, по-видимому, имел в виду «моральную опасность» сотрудничества в газете монархического направления, но оказался пророком совсем в другом смысле. На обстоятельства работы Ходасевич впервые жаловался в письме Вишняку уже к концу года (8 декабря 1927 г.):

Чтобы писать, писателю нужно быть сытым (хотя бы). Журнальная работа и впроголодь не кормит. Писатели вынуждены идти в газеты. Из всех писателей я — самый голодный, ибо не получаю помощи ниоткуда: ни от сербов, ни от чехов, ни от Розенталя, ни от большевиков, ни от французов — и не устраиваю концертов, сборов и проч. <...> Так вот, чтобы не голодать, я должен писать в газете всех больше. Газетная работа требует от меня:

1) фельетона каждые две недели, — т.е. судорожной погони за темами (это труднее, чем самое писание).

2) Еженедельного чтения совет<ских> журналов для составления изводящей меня хроники.

3) Бывания в редакции и «консультаций» по литературным делам (с голосом, увы, совещательным).

Писание газетных (т.е. неизбежно «общедоступных») статей меня изматывает душевно. Чтобы написать серьезную, журнальную, статью — я должен не только выкраивать «свободное» время, но и мучительно собираться с духовными силами. Не знаю, поймет ли меня редакция. Боюсь, что не поймут и более благополучно устроившиеся писатели. Каторжники бы поняли, это наверняка.

<...> Раз редакция не может поставить меня в человеческие условия работы, то она и не может назначать мне никаких сроков. Казалось бы — это логично и... человечно. <...> С прискорбием вижу, что научился здесь думать о вещах, самая мысль о которых раньше мне показалась бы постыдной. Но — всему научишься в нашем болоте²⁵.

Редакторы СЗ поняли необходимость и «ценность» сотрудничества Ходасевича. 28 марта 1930 г. Фондаминский, рассчитывая на «дружбу» Вишняка с Ходасевичем, надеялся получить еще другой отрывок из «Державина», по-

²³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 511.

²⁴ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

²⁵ Там же. F. 143.

скольку «Ходасевич нужен для интереса»²⁶, а 18 марта 1931 г. в письме к Вишняку он назвал Ходасевича «украшением» журнала²⁷. 16 ноября 1931 г. Степун, выражая Вишняку свои заботы о «неустроенности нашего литературного отдела», добавил: «Статьи о литературе у нас не бездарны, частично, как ряд статей Ходасевича, даже блестящи»²⁸. Тем не менее, если редакторы и дорожили Ходасевичем, нестабильное материальное положение журнала и частые денежные затруднения не позволяли им организовать «человеческие условия работы». Тема газетной поденщины возникает в письме к М.М. Карповичу от 19 марта 1932 г.:

А насчет того, что я редко появляюсь в «Возрождении», — ошибаетесь. Недоглядели. Непременно раз в две недели пишу по фельетону — иначе был бы лишен приятной возможности налепить на это письмо полторафранковую марку. Даже о порнографии *sub specie aeternitatis* <с точки зрения вечности> писал²⁹.

С годами Ходасевичу все чаще приходилось жаловаться на то, что он задыхается от неотступно злободневной и нудной газетной работы, которая оттесняет на второй план серьезные литературные статьи, а в 1930-х гг. — даже обещанную биографию Пушкина, творчество «для души», как он выразился в письме к И.Н. Голенищеву-Кутузову от 2 января 1935 г.:

Без этого дела я, кажется, просто не сведу концов с концами, ни материально, ни морально — ибо нельзя только и делать, что писать скорострельные фельетоны, а для души, т.е. «Пушкина», не смогу писать, если не раздобуду денег³⁰.

Однако ему пришлось «бросить» свое писание «в котел газеты или — поэтически выражаясь — в реку забвения», как он писал Рудневу 26 января 1934 года³¹.

Общение Ходасевича с редакторами СЗ возникло на деловой почве. Тем не менее, как пишет Вишняк в воспоминаниях о Ходасевиче:

Но и при деловом общении, не могло, конечно, не быть с самого начала обмена мнениями о заданиях журнала, о его ведении и — конкретнее и уже — о достоинствах напечатанного материала, о недостатках того и другого автора, беллетриста, политика, ученого³².

²⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ Lilly Library. Vishniak papers. F. 129.

²⁹ Hughes R., Malmstad J. Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923–1932) // Oxford Slavonic Papers. 1986. Vol. 19. P. 155; перепеч.: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 518. Имеется в виду: Ходасевич В. Книги и люди. О порнографии // Возрождение. 1932. 11 февр. № 2445. С. 3–4.

³⁰ В.Ф. Ходасевич и И.Н. Голенищев-Кутузов. Переписка / Публ. Джона Малмстада // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 220.

³¹ UIUC. Pregel/Rudnev. Box 4.

³² Вишняк М.В. «Современные записки». С. 203.

Именно такие вопросы рядом с «прозаическими» делами (сроки сдачи рукописей, технические и финансовые проблемы) обсуждаются в его переписке с редакторами СЗ, но нет ничего о самой литературе³³ или о роли или возможности литературы в изгнании. Имея в виду мнение одного из редакторов, это не так странно, как кажется на первый взгляд. 6 января 1926 г. Фондаминский писал Вишняку и Рудневу:

К сожалению, я почти убедился окончательно, что «новых» в эмиграции не будет. Печатать бездарных — только обманывать себя. Сахарин никогда не станет сахаром, и бездарный рассказ бездарного автора никогда не сделается художественным произведением. Вадим предлагает для самооправдания и самоуспокоения печатать Сириных и «Албанские рассказы». *Я против этого* (разумеется, принятые вещи надо напечатать). У нас есть оправдание *полное*: за все годы эмиграции не было напечатано ни одной талантливой вещи *нового* автора³⁴.

С таким мнением Ходасевич категорически не мог согласиться (и Фондаминский изменил свое мнение). Он настаивал на том, чтобы журнал печатал и «старших» и «молодых» (что он и делал), и на необходимости эмигрантской литературы, ее возможности и особенной роли.

В разговоре с Н.Д. Городецкой он говорил:

Дело эмигрантской поэзии по внешности очень неблагоприятное, потому что *кажется* консервативным. Большевики стремятся к уничтожению духовного строя, присущего русской литературе. Задача эмигрантской литературы — сохранить этот строй. Это задача столь же литературная, как и политическая. Требовать, чтобы эмигрантские поэты писали стихи на политические темы, — конечно, вздор. Но должно требовать, чтоб их творчество имело русское лицо³⁵.

После рассуждения о том, как трудно сохранить такое лицо вдали от России, Ходасевич «резко» подчеркнул его возможность и продолжал:

Вы замечали на карте метро такую соединительную линию — Navette. Где-то она, кажется, около Pré-St-Gervais, или... да... нет, не знаю. Словом, пряменькая такая линия. Вот и роль эмигрантской литературы — соединить прежнее с будущим. Конечно, традиция — не плющ вокруг живых памятников древности. <...> надо, чтобы наше поэтическое прошлое стало нашим настоящим и — в новой форме — будущим. Как вам сказать... Вот Робинзон нашел в кармане зерно и посадил его на необитаемом острове — взошла добрая английская пшеница. А что, кабы он его не посадил, а только бы на него любовался да охранял,

³³ Степун, как и Ходасевич, понимал, что «отдельные случайные статьи все же не дают литературной критики», как он писал Вишняку 16 ноября 1931 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 129).

³⁴ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

³⁵ *Городецкая Н.Д.* В гостях у Ходасевича // Возрождение. 1931. 22 янв. № 2060.

чтобы, не дай Бог, не упало? Вот и с традицией надо как с зерном. И вывезти его надо, и посадить, и работать над ним, творить дальше. Главное, совершенно необходимо ощутить себя не человеком, случайно переехавшим из Хамовников в Париж, а именно эмигрантом, эмигрантской *нацией*. Надо работать — и старым, и молодым. Иначе — катастрофа. Литературе не просуществовать ни в богадельне, ни в яслях для подкинутых младенцев... Что же касается принципиальной возможности... Глупости, что ничего нельзя создать!³⁶

Он повторял эти взгляды в нескольких статьях, опубликованных на страницах «Возрождения», не СЗ³⁷.

Что разговоры о литературе и об искусстве вообще не имеют места в этих письмах, легче понять (их нет и во внутриредакционной переписке, где доминируют чисто практические вопросы редактирования и финансирования журнала и обсуждения политико-социологических взглядов редакторов). Для Ходасевича и Берберовой, да и для многих других сотрудников журнала, редакторы были общественными деятелями, мало понимающими в вопросах литературы и ничего не научившимися понимать (вечная тема в письмах Марины Цветаевой). Как пишет Берберова о Вишняке: «Этот понимал, что мы все понимаем, что они все ничего не понимают»³⁸. Ни тот ни другой, разумеется, не выражал этого мнения в переписке с редакторами, но они не скрывали свое мнение от других.

За чаем я сообщил Ходасевичу, что года два тому назад «Современные записки» мне вернули назад «Двойной Нельсон». Ходасевича передернуло, как от острой боли. — Ну зачем они берутся не за свое дело, — страдальчески повторял он. — Ну зачем? <...> — Вы работаете, создаете продукт, и все, что вам раз в десятилетие перепадает, — это тыщонка франков. А Вишняк ничего там не производит, только мешает и получает ежемесячный оклад! Ежемесячное! — он заскрежетал зубами, — жалование³⁹.

Редакторам СЗ мнение Ходасевича было известно. 24 февраля 1927 г., на второй «беседе» литературно-философского общества «Зеленая лампа», в прениях после выступления Гишпиус о русской литературе в изгнании, Ходасевич публично высказался об «общественниках» СЗ (а также ПН и «Возрождения»):

По условиям эмигрантской жизни «Современные записки» — чуть не единственный у нас толстый журнал. <...> Следовательно, некоторый единый литературный фронт эмиграции в «Современных записках» неизбежен. Но это есть блок, а не союз. С этим приходится мириться. Беда не в том, что мы печатаемся

³⁶ Городецкая Н.Д. В гостях у Ходасевича // Возрождение. 1931. 22 янв. № 2060.

³⁷ См., например: Ходасевич В. Подвиг // Возрождение. 1932. 5 мая. № 2529; Он же. Литература в изгнании // Там же. 1933. 27 апр. № 2886; 4 мая. № 2893.

³⁸ Берберова Н. Курсив мой. С. 347.

³⁹ Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 121.

все вместе, отчасти обезличивая журнал, а беда в том, что иногда редакторы-политики не разбираются в качестве того, что печатают. Тут они одинаково компрометируют все группы. Эмигрантская литература оказывается представленной в таких «образцах», за которые становится стыдно перед злорадствующими критиками советских журналов. С газетами, во главе которых стоят политики, дело обстоит еще хуже. Там просто печатают что попало, будучи к литературе невнимательны, а иногда в ней некомпетентны. <...> Общественники, не научившиеся разбираться в вопросах искусства, влияют на ход литературы, потому что все издания фактически находятся в их руках. И если наша литература не развивается нормально — тут немалая часть вины падает на них⁴⁰.

Вишняк с женой, Руднев и Цетлин присутствовали на этой «беседе».

Ходасевич поднял эту же тему и в печати в 1932 г. в рецензии на шестой выпуск «Чисел», в которой он сопоставил журнал со «старшим собратом». СЗ

имеют определенное политическое лицо и преследуют известные политические цели, тогда как «Числа», в общем, стоят далеко от политики; что «Современные записки» руководимы группой политических, а не литературных деятелей, — во главе же «Чисел» стоят именно литераторы <...> Отводя значительную часть журнала литературе, политические деятели, стоящие во главе «Современных записок», делают важное культурное дело, которое все же не составляет их главной цели. Если в глазах читающей публики «Современные записки» оказались журналом преимущественно литературным и если литература составляет его главную притягательную силу, то произошло это по особым причинам, воистину «от редакции независящим». Роль вершительницы литературных судеб выпала на ее долю случайно и неожиданно⁴¹.

В своих воспоминаниях Вишняк передергивает написанное Ходасевичем, когда пишет:

Своей критике содержания «Чисел» Ходасевич предпосылал, однако, параллель между редакцией «Совр. записок» и редакцией «Чисел». Редактора «С.з.», некомпетентные в вопросах литературы и поэзии, этого и не скрывают, тогда как редактора «Чисел», корил их рецензент, претендуют на свою компетентность в этой области и в то же время совершают ошибки и промашки, недопустимые и непростительные⁴².

Обсуждение этой рецензии на квартире Вишняка 9 июля 1932 г. кончилось «скандалом». Хотя Вишняк пишет, что «отношения наши восстановились, но

⁴⁰ «Зеленая Лампа» // Новый корабль. 1927. № 1. С. 40; перепеч.: Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 57–58.

⁴¹ Ходасевич В. Книги и люди. «Числа», № 6 // Возрождение. 1932. 7 июля. № 2592. С. 3. Вишняк в своих воспоминаниях писал: «Мы не обманывались в том, что популярность «Современных записок» может создать только литературно-художественный отдел, а никак не общественно-политический. <...> Нашей политикой в области литературы было печатать все яркое и талантливое» (с. 119).

⁴² Вишняк М.В. «Современные записки». С. 212.

уже не в той форме, что прежде», его фамилия встречается в «Камер-фурьерском журнале» всего два раза после этого инцидента, в последний раз 6 июля 1933 г.

К середине 1930-х гг. Ходасевич, столько раз писавший о возможности литературы в эмиграции, все больше подчеркивал трудности положения эмигрантского писателя, обосновывая это личным опытом. 23 октября 1936 г. он писал А.С. Тумаркину, сотоварищу по московской третьей гимназии:

Я уверен, что ты на меня в обиде за мое исчезновение с твоего горизонта. Но поверь, будь добр, что я окончательно и бесповоротно выбит из колеи, потому что вдребезги переутомлен умственно и нервно. Прямо говорю: твое общество я бы предпочел всякому другому, если бы вообще был еще способен к общению. Но я могу делать два дела: писать, чтобы не околеть с голоду, и играть в бридж, чтобы не оставаться *ни с своими, ни с чужими мыслями*. За последние два года я случайно попал в гости к Апостолу, придя к нему за книгой, и случайно очутился у Фондаминского, когда и ты был у него. Это потому, что мы с Тэффи ходили по делу к Зеелеру и не застали его дома. Больше *ни разу* нигде не был и никого не звал к себе, кроме Сирина — ибо он приезжий. У сестры не бываю по 2–3 месяца, с Ниной Ник<олаевной> встречаюсь в кафе примерно раз в три недели. Молодых поэтов, ходивших ко мне по воскресеньям, тоже «закрывает»⁴³. Я — вроде контуженного. Просидеть на месте больше часу для меня истинная пытка. Я, понимаешь, стал неразговороспособен. Вот если бы я мог прекратить ужасающую профессию *эмигрантского писателя*, я бы опять стал человеком. Но я ничего не умею делать.

Следственно, не сердись. Я тебя очень люблю и очень помню твое доброе, милое, бесконечно дружеское отношение ко мне. Беда в том, что я куда-то лечу вверх тормашками⁴⁴.

Это чувство кризиса не прошло, а усугублялось со временем. 21 июня 1937 г., когда ходили слухи, что Ходасевич собирался вернуться в Советскую Россию, он писал Берберовой:

Действительно, своего предельного разочарования в эмиграции (в ее «духовных вождях», за ничтожными исключениями) я уже не скрываю; <...> Я сижу дома — либо играю в карты. Литература мне омерзела вдребезги, теперь уже и старшая, и младшая⁴⁵.

Нет сомнения, что кризис отягчался его физической немощью, постоянным нищенством и неотложными заботами о деньгах. Как мы видели, уже в

⁴³ Имеются в виду встречи с группой молодых поэтов «Перекресток».

⁴⁴ Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 143). Впервые (не полностью): НЖ. 1944. № 7. С. 286 (во вступительной статье Вишняка к публикации писем Ходасевича).

⁴⁵ Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетса // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. [Вып.] 5. С. 312–313; перепеч.: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 530.

конце 1920-х гг. он жаловался на то, что надобность писать в «Возрождении» помешала более серьезной литературной работе. Теперь это становится постоянной темой его писем. 25 марта 1936 г. Ходасевич писал И.Н. Голенищеву-Кутузову: «За хлопоты о Пушкине спасибо. Подписка шла хорошо, но книгу я раздумал писать: “Возрождение” заело. Это — горькая для меня тема, оставим ее»⁴⁶. 2 июля 1938 г. он писал схожее Рудневу: «...меня заело “Возрождение” — не столько писанием фельетонов, сколько измышлением тем для них»⁴⁷, а через несколько недель, 14 августа 1938 г., он категорически выразился в другом письме к нему:

Я окончательно убедился, что кроме возрожденской работы уже ни на что не способен. *Я измотан окончательно, вдребезги.* Опросите всех сотрудников «Современных записок» — и Вы увидите, что никто из них не работал, как я, двенадцать лет без отдыха ни на единую неделю, и никто не пишет по полтора листа в месяц. <...> работу на «Возрождение» надо либо не прерывать ни на минуту, либо прервать раз навсегда — а этого я не могу сделать. Я мечтал летом написать что-нибудь для вечера, который мне необходимо устроить и без которого я не проживу, — а не написал, и не напишу тоже ничего, и пытаться на этот раз уже не стану — сил нет! Мне приходится поставить крест на всем, что не для «Возрождения», как уже принужден я был поставить крест на своих стихах. Я не в отчаянии только потому, что все в мире идет к чертям, и уж тут о личной литературной катастрофе жалеть не стоит⁴⁸.

С этого времени здоровье Ходасевича все более и более ухудшалось и он меньше мог писать даже для «Возрождения». Через год — его не стало.

⁴⁶ Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 243.

⁴⁷ РАЛ. MS. 1500/9.

⁴⁸ Там же.